

ГАЛИЦКАЯ ТРАДИЦИЯ В КИЕВСКОМ СВОДЕ XII в.

Галицкие известия Киевской летописи XII в. объясняются, по мнению автора, письменной и устной традицией, идущей от галицких информаторов и киевлян, побывавших в Галиче.

Ключевые слова: летопись, повесть, извод, князь, государь, боярин, совет, раздробленность, известие, свидетельство.

Киевская летопись XII в. принадлежит к числу трех основных памятников южнорусского летописания древнерусского времени. Она представляет собой одну из составных частей Южнорусского летописного извода конца XIII — начала XIV в., который обычно публикуют по Ипатьевскому списку XV в.¹ По своим литературно-художественным достоинствам, насыщенности ценной информацией, почти всегда уникального характера, глубине и всесторонности характеристик событий, явлений и исторических личностей Киевская летопись, на мой взгляд, не имеет соперников в древнерусской исторической литературе. Нет ей равных и по эмоциональности и драматичности повествования, изысканности языка и по богатству изобразительных средств.

Киевская летопись в Южнорусском изводе является продолжением «Повести временных лет» (Далее — ПВЛ), а после нее в нем помещена летопись Галицко-Волынская. По мысли А.А. Шахматова, первая часть извода, включающая Повесть и Киевскую летопись, присоединена к следующей как бы механически². И действительно, между ними существует хронологический (примерно в шесть лет) и тематический разрыв. Они рознятся стилем, художественными приемами, да и самой манерой письма. А ученик Шахматова М.Д. Приселков отмечал непрерывность летописного дела в Киеве в течение всего XII в. и пришел к выводу, что в Киеве хорошо усвоили традицию, заложенную Печерскими изводами конца XI — начала XII в.³ Ученый имел в виду Начальный извод 1095 г. и ту же ПВЛ.

¹ Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871; ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. 2-е изд. СПб., 1908. В этой статье я воспользовался изданием 1871 г.

² Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001. С. 571.

³ Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 94.

Как писал один из знатоков и исследователей летописания, древнерусские летописи «служили непосредственному отражению нужд и потребностей русской жизни, они открывали собой широкий путь для воздействия живой действительности на русскую средневековую культуру в целом. По самому характеру задач, которые перед ними ставились, русские летописи ближе, чем какой бы то ни было другой литературный жанр, отражали жизнь, а не “систему” средневековья». Далее Д.С. Лихачев заметил, что политически заостренная летопись постоянно была своеобразным ориентиром в политической жизни городов, княжеств, а затем и Русского государства в целом. Она служила делу политического воспитания общества, сложилась как памятник общественной жизни и была важным дипломатическим документом⁴. Эти слова в полной мере относятся к Киевской летописи.

Созданная во времена, когда над Русью бушевала метель удельной раздробленности, Киевская летопись (ее следует называть также изводом, потому что она состоит из разных частей, сведенных воедино позднейшими составителями и редакторами), в большой степени сохраняет общерусский характер. Много страниц посвящено описаниям и характеристикам княжений каждого киевского великого князя, военным действиям, дипломатическим переговорам как в самой Руси, так и с иноземными соседями, встречам и съездам князей, брачным контрактам и др. Отдельный важнейший сюжет — защита родной земли от половцев и прочих врагов. Киевские повествователи не избегают и рассказов о социальных движениях, нередко перераставших в народные восстания. Важное место в источнике отведено церковным делам.

Галицких известий в Киевской летописи немало, они находятся в разных частях извода, и не все из них можно отнести к повестям. Исследователи Киевского извода обычно видят Галицкие известия либо в его заключительной части, относящейся к 1188–1189 гг. (М.С. Грушевский), либо между годами 1164–1190-ми (Б.А. Рыбаков, П.П. Толочко)⁵. Между тем, галицкие известия начинаются в источнике по крайней мере со времени появления города Галича на страницах Киевской летописи, т. е. с 1141 г. Существуют основания

⁴ Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 7–9.

⁵ См.: Толочко П.П. Давньоруські літописі і літописці X–XIII ст. Київ, 2005. С. 195 и др.

видеть особые повести, относящиеся к будущему галицкому региону, еще в составе ПВЛ. Они посвящены складыванию Перемышльского, Теревовльского и Звенигородского княжеств, на земельной основе которых сложилось княжество Галицкое. Речь идет прежде всего о Повести об ослеплении князя Василько Ростиславича⁶. Она, в свою очередь, связана с историей династии галицких Ростиславичей, разворачивающейся в Киевском изводе.

Прежде, чем обратиться к истории ослепления князя Василько, стоит задуматься над тем, не заимствована она, как и последующие известия галицкого содержания в Киевской летописи, из неведомой нам летописи Галицкой? Несмотря на априорную уверенность большинства исследователей в том, что в Галицко-Волынской Руси XII в. велось летописание, никому до сих пор не посчастливилось обнаружить малейшие его следы. Ни Л.В. Черепнин, ни В.Т. Пашуто, авторы солидных исследований о Галицко-Волынской летописи, даже не упомянули о самой возможности ведения летописания в XII в. в Галичине и на Волыни.

Все же не так давно многие летописеведы думали, что Киевская летопись содержит прямые заимствования из Галицкой и Волынской летописей XII в. Д.С. Лихачев прямо писал о подобных заимствованиях под 1141, 1144, 1145, 1164, 1187, 1194, 1198 и 1199 гг. «Неясно, — отмечал он, — были ли эти известия включены уже в свод [Киевский] 1200 г., или они представляют собой позднейшие вставки, сделанные составителем южнорусского свода конца XIII в.»⁷. Но доказательств ведения летописания в Галицко-Волынской Руси XII в. Д.С. Лихачев не привел.

Чем же тогда объяснить подробность галицких известий в Киевском изводе? На мой взгляд, ближе всего к истине подошел Б.А. Рыбаков. Рассмотрев сведения киевского летописца о галицких делах, ученый пришел к выводу, что «существовало, очевидно, два разных Галичанина, эпизодически принимавших участие в киевском летописании. Первый из них, связанный с Поликарпом⁸, осветил лишь события 1164 г., далее его рука в киевском летописании не встречается».

⁶ Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Сverdлова; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996. (Далее — ПВЛ.) С. 110–112.

⁷ Лихачев Д.С. Русские летописи. С. 432.

⁸ Печерский летописец, который мог привлечь этого гипотетического Галичанина к своему труду.

сании не прослеживается»⁹. А вот о событиях 1187–1188 гг. писал уже другой Галичанин, который появился в Киеве при дворе Рюрика Ростиславича в 1189–1190 гг. Он «вписал в летопись Рюрикова летописца биографию Владимира Галицкого и славные рыцарские дела его шурина и покровителя Игоря Северского»¹⁰. Этот взгляд Б.А. Рыбакова на галицкие известия Киевского извода в целом восприняла В.Ю. Франчук¹¹.

Мнение Б.А. Рыбакова об участии галицких свидетельств в процессе написания страниц Киевского извода за 1160–1190 гг. поддержал П.П. Толочко. Комплекс галицких известий мог быть занесен в Киев дипломатами, купцами и военными людьми. На юге Руси дважды побывал изгнанный Ярославом Владимировичем его сын Владимир. Ученый подчеркивает, что эти галицкие известия производят впечатление письменных записок, например, сюжет о пребывании в Галиче в 1164 г. претендента на византийский трон Андроника Комнина¹². Могут добавить к этому, что описание киевским книжником прибытия в Галич посольства от императора Мануила (стремившегося помириться с беглецом) за Андроником в описании пребывания последнего в гостях у Ярослава похоже на пересказ грамоты из княжеского архива.

Мне кажется, что в Галицкой и Волынской землях в XI–XII вв. не велось традиционного летописания. Вместо этого уже с середины XII в. в регионе начали создавать историко-литературные повести, посвященные деяниям галицких князей. На мой взгляд, галицкое происхождение имеет подробная и драматическая повесть о переговорах Володимирко Володаревича с киевским послом Петром Бориславичем. Эта Повесть сохранилась в Киевском своде переработанной в благоприятном для киевского государя духе¹³.

А.А. Шахматов считал, что Повесть об ослеплении Василько Ростиславича была введена под 1097 г. во вторую редакцию ПВЛ. По его мнению, она имела целью возвеличение личности Владимира Всеволодича Мономаха как защитника Русской земли и борца против феодальных усобиц и за единство державы¹⁴. Одним из первых

⁹ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972. С. 156.

¹⁰ Там же. С.159.

¹¹ Франчук В.Ю. Киевская летопись. Киев, 1986. С. 6.

¹² Толочко П.П. Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст. С. 195.

¹³ Котляр М.Ф. Галицько-Волинський літопис XIII ст. Київ, 1993. С. 150–152.

¹⁴ См.: Лихачев Д.С. Русские летописи. С. 217.

подробно рассмотрел Василькову повесть М.Д. Приселков, определив ее как самый ранний памятник исторического повествования, возникший на территории будущего Галицко-Волынского княжества¹⁵. Ее автором обычно называют некоего Василия. Он изложил события в виде рассказа, не связанного обычной для летописных изводов хронологической сеткой. Вместо этого повествователь изредка определяет последовательность событий.

Подобная манера письма была усвоена им, вероятно, потому, что Василию было хорошо известно киевское летописание, он знал ПВЛ и использовал ее в своем сочинении¹⁶. Трудно ответить на естественный вопрос: полностью ли включил составитель второй редакции ПВЛ Сильвестр Повесть об ослеплении Василько в свой текст, или же воспользовался ее отрывками. Ведь в помещенной в летописи под 1097 г. Повести Василия Сильвестр сделал несколько собственных вставок. По мнению М.Д. Приселкова, он поступил так потому, что считал повествование Василия об ослеплении теребовльского князя слишком провинциальным, поскольку тот не знал и не описал всех событий, происходивших в Киеве, откуда он находился во Владимире Волынском возле ослепленного Василько Ростиславича. Вместе с тем, ученый полагал, что Повесть об ослеплении Василько содержит почти полный и последовательный очерк соперничества князей Западной Руси между собой и со Святополком, князем киевским¹⁷.

Согласно убеждению М.Д. Приселкова, повествователь Василий был попом у князя Василько, и среди русских писателей XI в. ученый отводит ему первое место. Главными источниками Василия были личные впечатления от пленения, ослепления и страданий несчастного государя, а также рассказы людей, знавших о тех событиях. М.Д. Приселков видел в Василии участника переговоров между Давидом Игоревичем и плененным и ослепленным им Василько Ростиславичем. М.Д. Приселков принимает мнение Шахматова о том, что Василий также входил в состав посольства, которое Ростиславичи послали к Давиду с требованием выдать им бояр, подбивших своего господина пленить и ослепить теребовльского князя¹⁸.

¹⁵ *Приселков М.Д.* Летописание Западной Украины и Западной Белоруссии // *Он же.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996. С. 283 (работа впервые опубликована в 1941 г.).

¹⁶ *Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. С. XXXIV.

¹⁷ *Приселков М.Д.* Летописание Западной Украины и Западной Белоруссии. С. 285.

¹⁸ Там же. С. 287.

Как бы там ни было, Повесть об ослеплении Василько Ростиславича, выросшая, вероятно, из впечатлений самого повествователя и устных рассказов очевидцев этого преступления, положила, на мой взгляд, начало письменной литературной традиции в Галицкой земле, затем нашедшей отражение в Киевской и Галицко-Волынской летописях XII–XIII вв. Элементы возможных галицких повестей замечены в ПВЛ с 1080-х гг.

Одной из таких повестей, вернее, ее отрывком, бросающим свет на начальный период утверждения Ростиславичей в крае, выглядит рассказ ПВЛ о походе Ярополка Изяславича в самое сердце будущей Галицкой земли: «И пересѣдев мало дней¹⁹ иде Звенигороду». Эти слова написаны недоброжелателем Ростиславичей, в чем убеждает их продолжение: «И не дошедшу ему града, и прободень бысть от проклятого Нерадьця... Лежащю ему ту на возь, саблею с коня прободе и, мѣсяца ноямбря въ 22 день... Бѣжа Нерадець треклятый Перемышлю к Рюрикови». После этого в Повести помещен чувствительный панегирик Ярополку, четко выявляющий симпатии и антипатии повествователя²⁰.

Вряд ли процитированный текст был сочинен в Перемышле по заказу Ростиславичей. По моему мнению, он имеет киевское происхождение. Информация же, вероятно, заимствована от человека из окружения Ярополка Изяславича. Точно так же не имеют симпатии к Ростиславичам и почти все последующие известия Киевского извода, где речь идет об этом княжеском семействе (за исключением Повести об ослеплении).

Галицкие Ростиславичи, Рюрик, Володарь (Владимир) и Василько были сыновьями внука Ярослава Мудрого Ростислава Владимировича. Некоторые историки допускают, что по «ряду» Ярослава 1054 г. Ростислав получил часть территории будущей Галицкой земли с городами Перемышлем и Теробовлем, в которых позднее сидели его сыновья. Энергичный Ростислав в 1064 г. завладел Тмутороканью, принадлежавшей Святославу Ярославичу, и устоял перед его войском в следующем году. Возможно, не без ведома, а то и по наущению Святослава, византийцы поручили наместнику Херсона отравить Ростислава²¹. После этого на длительное время его мало-

¹⁹ После возвращения из Польши, когда Ярополк повинился перед Владимиром Мономахом, и тот простил его и вернул ему родовое владение — город Владимир Волынский с волостью.

²⁰ ПВЛ. С. 88.

²¹ ПВЛ. С. 71–72.

летние сыновья исчезают со страниц летописи и появляются там лишь в 80-х гг. XI в.

Под 1086 г. в ПВЛ содержится упоминание о том, что тогда в Перемышле уже существовал княжеский стол, который занимал старший сын Ростислава Рюрик. Упомянется в статье того же года и Звенигород, в котором княжил его младший брат Володарь²². Из дальнейшего рассказа Повести известно, что в расположенном на рубеже с Киевской землей Теревовле сидел младший Ростиславич Василько²³. Но рядом с этими суховатыми, почти протокольными записями под тем же, 1086 г. помещена экспрессивная история о походе Ярополка к Звенигороду, поведенная выше. Эта история напоминает отрывок какой-то галицкой повести, не дошедшей до наших дней.

Галицкие повести Киевского извода, с которыми доводится иметь дело исследователям, перебиты текстами иного содержания. Выразительные черты такой повести (или нескольких повестей) просматриваются в описаниях княжений сына Володаря Ростиславича Володимирко и его преемников на галицком столе. Почему-то мои предшественники в изучении структуры Киевского извода не обращали должного внимания на жизнеописание первого галицкого государя Володимирко (1141–1152) и описание первых лет княжения в Галиче его сына Ярослава (до 1164 г.). Между тем, внимательное чтение свидетельств об этом привело к мысли, что в Киевскую летопись были внесены особые галицкие известия, создающие впечатление использования его составителем какой-то галицкой повести (или нескольких повестей).

Как было сказано выше, нет оснований утверждать, что киевские книжники заимствовали все сведения о Галицкой земле и Галиче из тамошних письменных источников (хотя отдельные случаи этого отмечены в Киевском своде). По стилистике, словоупотреблению, образительным средствам и пр. эти сведения в большинстве носят устный характер. А фиксация их в изводе принадлежит уже киевским летописцам или редакторам (что в нашем случае одно и то же). Рука гипотетического Галичанина в Киевской летописи, на мой взгляд, не заметна. Следовательно, открывается возможность говорить об устной традиции поступления галицких известий в Киевский свод и думать о путях ее проникновения. Не полегит сомнению интенсивный обмен людьми между Киевом и Галичем (купцы, воины, дипломаты, церковные люди, в ходе военных действий и др.).

²² Там же. С. 88.

²³ Там же. С. 110.

Думается, в значительной мере на устных источниках построены повести Киевского извода о князе Володимирко Володаревиче, его сыне Ярославе и внуке Владимире. Повесть о галицком государе Володимирко, наибольшая среди них, отличается высокой эмоциональностью и напряженностью рассказа. Уже первое появление князя Володимирко на страницах Киевского извода выглядит драматически. Летописец сначала кратко сообщает под 1145 г.: «На ту же зиму въшедшу Володимиру в Тисмяницю на ловы, в то же время послашася галичане по Ивана по Ростиславича въ Звенигородъ, и въведоша к собѣ в Галичь»²⁴.

Это лаконичное известие источника возбудило различные мнения в научной литературе. Прежде всего, кто были те «галичане», которые позвали Ивана в галицкие князья? М.С. Грушевский думал, что ими были горожане²⁵. Действительно, события носили массовый характер, и все же, по моему мнению, заговор против Володимирко возглавили враждебные ему галицкие бояре, руководившее вече, которое и позвало звенигородского князя на стол. Историкам никогда не узнать о том, на что же надеялся Иван Ростиславич, по прозвищу Берладник, начиная поединок со своим могущественным дядюшкой. Наверное, на свое военное счастье, которое, следует отдать ему должное, сопровождало этого князя-кондотьера в течение его политической и военной карьеры. Ведь дружина Ивана была намного слабее дружины Володимирко, а другие князья враждебно встретили его попытку насильственно завладеть княжеским столом. Своим молодецким и отчаянным поступком Иван поставил себя вне феодального общества.

Володимирко известили об измене галичан, и он сразу же ринулся с дружиной к Галичу. Горожане оказали сильное сопротивление, и военные действия приобрели ожесточенный и массовый характер. Летописец эмоционально повествует: «И приде [Владимир]на нь [галичан]... и въѣздыче из города бяхуся крѣпко, и мнози падаху отъ обоихъ». В результате Иван Ростиславич потерял Звенигород, едва выбрался из осажденного Галича и превратился в безземельного князя (изгоя), служившего за деньги разным князьям. А «Володимеръ же вшедь в Галичь, многы люди исѣче, а иныя показни казнью злою»²⁶. В последних словах источника проступает осуждение

²⁴ Летопись по Ипатскому списку. С. 226.

²⁵ *Грушевський М.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2. С. 420–424.

²⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 226.

жестокости князя, убившего и покалечившего множество людей. Эта его черта видится и в дальнейших описаниях его княжения. Повествователей, писавших о Володимирко, вероятно, было несколько, но их объединяет общая и главная черта: недоброжелательное отношение к государю, желание выставить его в непривлекательном свете и подчеркнуть отрицательные качества его личности: коварство, несоблюдение данного им слова, жестокость и др.

И на последующих страницах Киевского извода, рассказывающих о Володимирко Володаревиче, ощущается влияние или прямое использование свидетельств галицкого повествователя или же какого-то иного памятника галицкого происхождения. Возможно, в руках киевского книжника оказалась Повесть, посвященная яркой и неоднозначной личности — энергичному и азартному, беспринципному и коварному Володимирко Володаревичу.

Яркие характеристики князя Володимирко в Киевской летописи отличаются явно не равнодушным, в общем отрицательным отношением к нему летописцев. В 1145 г. тогдашний киевский государь Всеволод Ольгович пошел войной на «многоглаголиваго Володимирка», как иронически именует того киевский летописец, — из-за его манеры много обещать и мало (или ничего) не выполнять из обещанного. Тот испугался и начал умолять брата Всеволода Игоря помирить его с великим князем. Всеволод согласился простить непокорного галичанина. Летописец злорадно отметил: «И вда Всеволоду Володимирко за трудъ (!) 1000 и 400 гривень серебра, переди много глаголивъ [Володимирко], а послѣди много заплативъ»²⁷.

В следующем году Володимирко вновь не пожелал покоряться киевскому сюзерену. Всеволод Ольгович вновь собрал южнорусских князей и двинулся на Галич. По пути он подошел к Звенигороду и сжег его острог, что предшествовало штурму града. Тогда «въторый день створиша вѣче звенигородъчи хотяче ся передати». Но люди Володимирко воспрепятствовали этому: «И бѣ у нихъ воевода, Володимиръ мужъ Иванъ Халдѣевичъ, изоима у нихъ мужи три и уби я, и когождо ихъ перетень на поль, поверже я изъ града, тѣмъ и загрози имъ», после чего «начаша ся звенигородъци оттолѣ бити безъ лъсти»²⁸. На подобной звериной жестокости Володимирко и его приспешников, следует думать, держалась его власть в княжестве.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 228.

Наконец, своеобразным апофеозом противоречивого и в общем несимпатичного образа галицкого князя в его Повести выглядит рассказ о заключительном этапе его переговоров с киевским государем Изяславом Мстиславичем. В самом конце 1152 г. Володимирко грубо оскорбил киевского посла Петра Бориславича, приехавшего к нему с требованием исполнить присягу на кресте вернуть Изяславу Мстиславичу принадлежавшие тому города на киевско-галицком пограничье. Галицкий князь не только отказался от обещанного, но и посмеялся над нательным крестом, вытянув его из-за пазухи. Божье возмездие не заставило себя долго ждать. В тот же вечер, когда он выгнал вон Петра Бориславича, Володимирко входил в дворцовую часовню. На ее пороге, там, где он издевался над послом, его хватил удар, после чего князь скончался²⁹.

Из повести Володимирко вытекает сентенция: страшным грехом, кощунством было издевательство над крестом, измена данной в храме присяге именем Господа. Недоброжелательность известий о князе Володимирко в посвященной ему Повести приводит к мысли, что они принадлежат какому-то хорошо осведомленному галичанину, не любившему своего господина. Склоняюсь к мысли, что источником рассказов о Володимирко и его преемниках в Киевском изводе были устные рассказы людей, прибывавших в стольный град Руси из Галича или Галицкой земли.

Следующий комплекс известий о событиях в Галицком княжестве начинается в Киевском изводе с 1164 г. Он охватывает время до 1190 г., но рассредоточен среди записей иного содержания и каждый раз требует сопоставления с ними. В статье 1164 г. речь идет о небывалом наводнении в Галиче, когда Днестр вышел из берегов и загубил более трехсот купцов, шедших с солью из Удеча³⁰. А в следующей статье, 1165 г., поведан важнейший эпизод большой международной политики сына Володимирко, галицкого государя Ярослава, отважившегося соперничать с византийским императором. Этим эпизодом и начинается Повесть Ярослава.

В начале своего княжения Ярослав Владимирович оставался верен дружественному соглашению отца с Византией, да и сам, вероятно, подписал с ней союзный договор около 1162 г. Но вскоре после этого он заключил направленный против нее союз с Венг-

²⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 318–319.

³⁰ Горюдок в Галицкой земле, в котором были солеварни.

рией³¹, а в 1164 г. поддержал соперника императора Мануила I Андроника Комнина, предоставив тому у себя политическое убежище. Повесть Ярослава засвидетельствовала, что тогда «прибѣже ись Царягорода братанъ царевъ кюръ Андроникъ къ Ярославу у Галичь, и прия и Ярославъ съ великою любовью». Князь «да ему [Андронику] нѣколко городовъ на утѣшение»³². Андроник подружился с Ярославом, участвовал в его пирах и «ловах», отличившись в опасной охоте на туров. Он даже заседал вместе с ближними боярами Ярослава в княжеском совете.

Впрочем, Андроник пробыл в Галиче недолго, поскольку император решил помириться с ним и, можно думать, восстановил договорные отношения с галицким государем. Это событие засвидетельствовано Повестью Ярослава: «Потомъ же присла царь [Мануил I] два митрополита, вабя и [Андроника] к собѣ. Ярославъ же пусти [Андроника] к нему с великою честью, *приставив к нему пску-па своего Кузму и мужа своя передня*»³³ (здесь и далее выделено мною. — Н.К.): вероятнее всего, в повести говорилось о галицком посольстве в Константинополь.

После этого Мануил сумел расстроить русско-венгерский альянс и восстановить союзные отношения с Галичем. Когда зимой 1165 г. он решил вторгнуться в Венгрию, то попытался заручиться поддержкой галицкого и киевского князей. Согласно византийскому историку Киннаму, «в Тавроскифию отправился известный Мануил, ведущий свой род от Комниных. Он должен был напомнить правителю русов о связывавшем их договоре и упрекнуть его в дружбе с галицким князем Ярославом, нарушителем договора с Византией, который гостеприимно приютил у себя бежавшего из византийской тюрьмы Андроника».

Под правителем русов подразумевался киевский великий князь Ростислав Мстиславич, нуждавшийся в помощи Ярослава против соперников Ольговичей и Мономашичей. Поэтому-то греческий император, по свидетельству Киннама, одновременно обратился к Ярославу галицкому, призывая его к войне с уграми³⁴. Киевская летопись ничего не знает об этом, но византийские источники соз-

³¹ Пауито В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 179, 189, 195.

³² Летопись по Ипатскому списку. С. 359.

³³ Там же.

³⁴ Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonnae, 1836. Lib. V. Cap. 10. P. 232, 235; Vasiliev A.A. Was Old Russia a vassal State of Byzantium? // Speculum. 1932. Vol. VII. No. 3. P. 350–360.

дают впечатление, что Ярослав таки откликнулся на предложение Мануила I.

В 1185 г. Андроник Комнин, ставший императором в 1183 г., утратил популярность в народе и оказался под угрозой потери престола. Он вновь попытался бежать на Русь, вероятно, к Ярославу Владимировичу галицкому, но потерпел неудачу³⁵. Об этом также могли знать на Руси. Поэтому в представлении русских людей Ярослав Владимирович виделся могущественным государем, бывшим в дружеских отношениях с самим византийским василевсом. Рассказ о посещении Андроником Ярослава в Галиче, по мнению Б.А. Рыбакова, принадлежит летописцу Поликарпу, воспользовавшемуся услугами галицкого информатора, оказавшегося в Киеве³⁶.

Обыкновенно летописи мало пишут о личной жизни древнерусских князей. Однако в продолжении Повести Ярослава в Киевском изводе под 6681 г., что соответствует 1170/71 г.³⁷, рассказывается о личной драме Ярослава Владимировича, разразившейся в то время. Повести, художественные, литературные произведения, обычно больше, чем летописи, уделяют внимание своим героям как живым людям, с их симпатиями и антипатиями, движениями души и страстями. События вокруг личной жизни Ярослава стали известны в обществе и были причиной политического кризиса в княжестве. Из краткого рассказа Ярославовой повести, написанной недоброжелателем князя, известно, что немолодой уже князь влюбился. В.Н. Татищев заимствовал из неизвестного нам источника (либо по обыкновению расцвел собственными догадками скупое сообщение Киевской летописи), что Ярослав охладел к своей супруге Ольге и вынуждал ее постричься в монахини. Но Ольга, вероятно, унаследовавшая от отца Юрия Долгорукого твердый характер, отвергала его унижительные для себя предложения³⁸.

Избранницей Ярослава стала молодая и, вероятно, прекрасная Анастасия из боярского рода Чагров. Род был новый и незнатный, поэтому какое-то время галицкие великие бояре смотрели на него пренебрежительно, а вот далее — уже с опаской, убеждаясь, наверное, в том, что многочисленные и энергичные Чагры прибирают к рукам придворные должности, земли и богатства, главное же —

³⁵ Nicetae Choniatae Historia / Rec. J.-P. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975. II, 11. P. 452.

³⁶ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автора «Слова о полку Игореве». С. 147.

³⁷ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 188.

³⁸ Татищев В.Н. История Российская. М.; Л., 1964. Т. 3. С. 97.

княжеское благоволение и ласку. Так родился заговор в среде ближних бояр галицкого государя. Повесть застаёт его на последнем этапе, когда заговорщики принялись действовать.

Трудно сомневаться в том, что княгиня Ольга давно знала о существовании Анастасии. В 1170 г. она открыто бежала от мужа вместе с сыном Владимиром, на которого князь перенес нелюбовь к его матери (как покажут события, развернувшиеся в Галиче почти через двадцать лет): «Выбѣже княгини Ярославля изъ Галича въ Ляхи, съ сыномъ с Володимиромъ, и Кстятинъ Сѣрославичъ³⁹ и мнози бояре с нею быша тамо 8 месяцевъ»⁴⁰. Это был сигнал для недовольных государем великих бояр, возглавлявшихся неизвестным нам Святополком, по мнению Грушевского, служебным князем Ярослава Владимировича⁴¹.

А затем произошло невиданное на Руси событие: бояре заключили под стражу своего господина (!) и заставили его покориться силе. Победители посылают княжичу Владимиру радостное известие: «Поѣдь стряпать [спешно], отца ти есмы яли [схватили], и приятели его Чаргову чадь избилѣ; а се твой ворог Настаська». Далее «галичане», т. е. бояре, разожгли костер и сожгли Анастасию Чагровну, а ее сына Олега взяли под стражу, самого же «князя водивше ко кресту, яко ему имѣти княгиню въправду (!), и тако уладившеся»⁴². Эта грустная, в духе испанской инквизиции, история с дикарским и незаконным сожжением на костре молодой женщины отражает не только и не столько семейные неурядицы Ярослава, сколько ожесточенную и безжалостную борьбу за власть, богатства и преимущества при княжеском дворе Галича между разными боярскими группировками.

В этой истории князь Ярослав выглядит вовсе непривлекательно: он бессилен противиться боярам, не спас любимую женщину от страшной смерти, да еще и дал боярам унижительную для него клятву «имѣти княгиню въправду», что никак не подобало настоящему мужчине и рыцарю. Если прибавить к этому настойчивые подчеркивания повествователя его нежелания ходить в походы со своим войском (обычно, как свидетельствует Киевская летопись, он посылал против врага «помочь» с кем-нибудь из своих воевод), то

³⁹ Один из лидеров боярской оппозиции Ярославу.

⁴⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 384.

⁴¹ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. С. 443.

⁴² Летопись по Ипатскому списку. С. 385.

делается понятным, что творцы приведенной выше истории не имели сантиментов к князю Ярославу.

Как показали дальнейшие события, ничего не «уладилось» в доме Ярослава Владимировича. Через несколько лет его сын Владимир вновь «выбѣже» из Галича и побегал к Ярославу Изяславичу в Луцк. По сведениям Грушевского, Владимир надеялся на то, что луцкий князь добудет ему какую-нибудь волость⁴³. Но на этот раз Ярослав повел себя решительно: нанял за три тысячи гривен отряд польских воинов и предъявил луцкому князю ультиматум: отпусти сына ко мне, иначе пойду на тебя войной. «Онъ [Ярослав луцкий] же убоявсь пожъженья волости своей» и выставил из Луцка Владимира вместе с его матерью Ольгой. Источник этих сведений Грушевского мне неизвестен. Владимир долгое время бегал от одного князя к другому⁴⁴. Княгиня же Ольга перебралась в родной для нее Суздаль и дожила там до смерти в 1183 г. Последние годы жизни она прожила монахиней под именем Ефросиньи⁴⁵.

Б.А. Рыбаков усматривал галицкие известия Киевского извода второй половины XII в. в нескольких комплексах сообщений. Один из них был посвящен событиям 1164 г. (приезд Андроника Комнина к Ярославу Владимировичу). Второй — напряженным отношениям между Ярославом и его сыном Владимиром, вылившимся в события 1170, 1173 и 1184 гг., т. е. изгнания княжича отцом и его возвращения в Галич. Эти события описаны в летописи «подробно и сочувственно» в отношении Владимира⁴⁶.

Следующая галицкая Повесть о Ярославе помещена в Киевском изводе под 1187–1188 г. Она рассказывает о постаревшем и утратившем силы князе. М.С. Грушевский справедливо заметил: «Ее пролог — семейная трагедия Ярослава Галицкого — читается под г. 1173», а дальше почти сплошной линией галицкие известия идут

⁴³ Грушевський М. Історія України-Руси. Т. 2. С. 444.

⁴⁴ Сначала он отправился во Владимир Волынский к Роману Мстиславичу, но тот «блюдыя отца его, не да ему опочити у себе». Так же не принял его в Дорогобуже Ингварь Ярославич, Святополк Георгиевич в Турове, Давид Ростиславич в Смоленске, который «отпустил» беглеца в Суздаль, к своему дяде Всеволоду Юрьевичу, но и там Владимир не «обрѣте собѣ покоя». Наконец, его принял в Путивле зять Игорь Святославич. Там он прожил два года, после чего Игорь сумел помирить его с отцом, и Владимир с повинной головой вернулся в Галич (Летопись по Ипатскому списку. С. 428). По мнению Б.А. Рыбакова, это произошло в 1184 г. (Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 147).

⁴⁵ Летопись по Ипатскому списку. С. 442.

⁴⁶ Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». С. 147.

в Киевском изводе, начиная от смерти этого князя в 1187 г. и завершаются возвращением на галицкий стол его бездарного сына Владимира в 1190 г.⁴⁷

М.С. Грушевский допускал, что все эти известия могли быть фрагментами единой Галицкой повести, быть может, созданной в Галиче. Однако он не исключал и ее киевского происхождения, о чем говорят отдельные ее свидетельства, в частности призывы митрополита возволить Галицкую землю от венгерских захватчиков. Поэтому ученый высказал смелое по тому времени предположение: «Возможно, и вся эта повесть о первом галицком “мятеже” была написана в Киеве»⁴⁸. Эта мысль выглядит вероятной.

В заключительной части Повести Ярослава Владимировича речь идет о последних месяцах жизни галицкого государя. Она повествует о том, что в сентябре 1187 г. Ярослав Владимирович начал готовиться к смерти. По тону эта часть Повести разительно отличается от предыдущей. Она исполнена симпатии к Ярославу и описывает его последние дни с большим сочувствием. Повествователь поместил в ней торжественный панегирик своему государю, где отметил его достоинства, однако не воздержался от традиционной для рассказов о Ярославе Владимировиче сентенции: мол, князь «самъ не ходяшетъ полкы своими, но посылашетъ я съ вое»⁴⁹.

Составитель Повести 1187–1188 г. рассказывает, что перед кончиной Ярослав Владимирович созвал своих мужей на совет и заявил: «Се приказываю мѣсто свое Олгови, сынови своему меньшему⁵⁰, а Володимѣру даю Перемышль»⁵¹. Формально Ярослав соблюдал букву закона: стол Перемышля традиционно считался первым в Галицкой земле, еще с той поры, когда там сидел старший Ростиславич Рюрик. Однако после смерти Ярослава Владимировича «бысть мятежь великъ в Галичкой земли»: бояре с Владимиром Ярославичем выгнали Олега из Галича и посадили на стол законного наследника Ярослава Владимира. Боярство рассчитывало на то, что неспособный к государственным делам, слабый духом Владимир превратится в покорную им игрушку. Но случилось совсем иначе.

⁴⁷ Грушевський М. Історія української літератури. Київ, 1993. Т. 3. С. 27, 62 та ін.

⁴⁸ Грушевський М. Історія української літератури. Т. 3. С. 27.

⁴⁹ Летопись по Ипатскому списку. С. 442.

⁵⁰ От Анастасии Чагровны.

⁵¹ Летопись по Ипатскому списку. С. 442.

Из продолжения этой Повести (разделенной сугубо анналистическими сообщениями о межкняжеских отношениях и династических браках в 1187–1188 гг.) узнаем, что Владимир Ярославич не стал покоряться боярам. Симпатизировавший им повествователь всячески осуждает князя: мол, он и пьяница, и развратник: забрал у какого-то попа жену и прижил с ней детей, и вообще был очень охоч к чужим женам и дочерям. Главное же — князь «думы не любяшеть с мужми своими»⁵². Государь не желал советоваться с боярами, выйдя из-под их власти. Как остроумно писал Б.А. Рыбаков, «этим было решено все — если князь пренебрегает боярской думой, если он выходит из воли “смысленных”, то он уже тем самым плох, и в летопись о нем вносятся всякие порочащие его детали»⁵³.

Не дожидаясь времени, когда бояре возьмут его под стражу, а любимую женщину сожгут на костре, как это произошло с Анастасией Чагровной, Владимир бежал в Венгрию, предусмотрительно захватив с собой казну и попадью с двумя сыновьями. Он просил помощи у союзника короля. Бела III пообещал помочь, но изменил своему слову. Галицкий источник Киевской летописи⁵⁴ так сообщает об этом: «И приде Володимерь ко королеви, король же поималь Володимера, и со всеми полкы поиде к Галичю».

Тем временем в Галиче уже сидел позванный боярами волынский князь Роман Мстиславич, давно зарившийся на Галицкую землю. Он был настолько уверен в успехе, что отдал брату Всеволоду свой волынский стол («боле ми того не надобѣ Володимеръ»). Но когда Роман узнал о приближении войска короля, то «бѣжа не мога стати противу ему; и поймавъ весь добытокъ Володимеръ, и бѣжа из Галича во Володимеръ с галичаны»⁵⁵, и ту затворися братъ отъ него в Володимѣрѣ Всеволодъ». После чего Роману пришлось бежать в Польшу к родне⁵⁶. Ироническое отношение галицкого повествователя к незадачливому претенденту на Галицкое княжение явно бросается в глаза.

Но Бела III не собирался восстанавливать Владимира Ярославича на престоле. Он посадил в Галиче своего сына Андрея, решив воспользоваться политическим кризисом в княжестве и присоединить его к своей державе. Галицкий повествователь с воз-

⁵² Там же. С. 444.

⁵³ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и Русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 514.

⁵⁴ См.: Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. С. 204.

⁵⁵ Явно с призвавшими его на стол боярами.

⁵⁶ Летопись по Ипатскому списку. С. 445.

мушением отметил: «Король же бѣ великъ грѣхъ створиль, крестъ целоваль к Володимеру» — вернуть ему Галич и княжество. Вместо этого Бела велел схватить Владимира, отвезти в Венгрию и заключить в каком-то замке⁵⁷. В следующем году галицкий пленник сумел бежать из башни, в которой сидел вместе с попадьей и сыновьями от нее. Он подался за помощью к германскому императору Фридриху Барбароссе. За огромную сумму в две тысячи гривен серебра, которые беглый князь пообещал выплачивать ему ежегодно, император поручил своему вассалу, краковскому князю Казимиру, восстановить Владимира на отцовском столе. Вероятно, не замечая иронии, скрытой в следующих словах, повествователь пишет: «Галичкый же мужи срѣтоша его [Владимира] с радостью великою, князя своего и дѣдича, а королевича прогнаша изъ земля своя»⁵⁸.

Вне сомнения, Владимир Ярославич хорошо знал цену коварному галицкому боярству, уважавшему лишь грубую силу, он не разделил его фальшивой радости по поводу своего возвращения и решил основательно побеспокоиться о своей безопасности. Поэтому он «посла ко Всеволоду, ко уеви [дяде] своему»⁵⁹ в Суждаль, моляся ему: «Отце господине! Удержи Галичъ подо мною, а язъ Божий и твой есмь со всимъ Галичемъ, а во твоей волѣ есмь всегда!»⁶⁰.

Стремившийся к старейшинству и верховенству на Руси Всеволод Юрьевич Большое Гнездо охотно принял это предложение, расослав грамоты ко всем русским князьям, к венгерскому королю и польским князьям и заключив с ними соглашение о взятии под свое покровительство Владимира Ярославича: «И води я ко кресту, на своємъ сестричичѣ Галича не искати николиже подь нимъ»⁶¹. Перед нами типичное средневековое соглашение о коллективном соблюдении сюзеренных прав Всеволода на своего вассала. Благодаря этому соглашению, Владимир Ярославич благополучно досидел на беспокойном галицком столе до кончины, наступившей в 1199 г.

Галицкие известия Киевского извода охватывают почти всю вторую половину XII в., начинаясь в 1140-х гг., со времени создания Галицкого княжества Володимирко Володаревичем в 1141 г.,

⁵⁷ Там же. С. 445.

⁵⁸ Там же. С. 448.

⁵⁹ Владимир был сыном сестры Всеволода Ольги.

⁶⁰ Летопись по Ипатскому списку. С. 448

⁶¹ Там же. С. 448–449.

и до окончательного утверждения на престоле его внука Владимира Ярославича в 1189 г. Не составляя целостного произведения, но состоя из нескольких повестей, размещенных по всему тексту галицкой тематики Киевского извода, причудливо переплетаясь с повестями другого содержания (например, об убиении Андрея Боголюбского или о походе Игоря Святославича в Половецкую степь), эти Галицкие повести, тем не менее, отразили достаточно целостную и поражающую временами своей эмоциональностью картину становления и развития Галицкого княжества, исторически достоверные и при этом художественные характеристики его князей и бояр.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963.
- Грушевський М.* Історія України-Руси. Львів, 1905. Т. 2.
- Грушевський М.* Історія української літератури. Київ, 1993. Т. 3.
- Котляр М.Ф.* Галицько-Волинський літопис. Київ, 1993.
- Лихачев Д.С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.
- Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871.
- Паушто В.Т.* Внешняя политика Древней Руси. М., 1968.
- Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева, М.Б. Свердлова; под. ред. В.П. Адриановой-Перетц. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1996.
- Приселков М.Д.* История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.
- Приселков М.Д.* Летописание Западной Украины и Западной Белоруссии // *Он же.* История русского летописания XI–XV вв. СПб, 1996.
- Рыбаков Б.А.* Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982.
- Рыбаков Б.А.* Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.
- Татищев В.Н.* История Российская. М.; Л., 1963. Т. 3.
- Толочко П.П.* Давньоруські літописи і літописці X–XIII ст. Київ, 2005.
- Франчук В.Ю.* Киевская летопись. Киев, 1986.
- Шахматов А.А.* Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1.
- Шахматов А.А.* Разыскания о русских летописях. М., 2001.
- Ioannis Cinnami epitome rerum ab Ioanne et Alexio Comnenis gestarum / Rec. A. Meineke. Bonnae, 1836.
- Nicetae Choniatae Historia / Rec. J.-P. van Dieten. Berolini et Novi Eboraci, 1975.
- Vasiliev A.A.* Was Old Russia a vassal State of Byzantium? // *Speculum.* 1932. Vol. VII. No. 3. P. 350–360.

Nikolay Kotlyar

THE GALICH TRADITION IN KIEVAN CHRONICLE
OF THE XIITH CENTURY.

In the author's opinion, the information about Galich in the Kiev chronicle of the 12th century can be best explained as written and oral traditions borrowed from Galich informants and those Kiev citizens who themselves visited Galich.

Key words: chronicle, novel, recension, prince, sovereign, boyar, council, disunity, entry, evidence.